

УДК 340.12

ПОЛИТИКА НЕНАСИЛИЯ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ ПРАВА

Таран П. Е.

***Таврический национальный университет им. В. И. Вернадского,
Симферополь, Украина***

В статье рассматривается политический опыт движения ненасилия в 20 веке как материал для философского осмысления правоведом. Делается вывод о плодотворности идеи ненасилия в области правовой телеологии, о том, что эта идея может объединить в себе понятия цели и средства в праве.

Ключевые слова: идея ненасилия; правовая телеология; цель и средство в праве.

Появление идеологии ненасилия можно считать одной из примечательных черт социально-исторической ситуации 20 века. Однако более примечательным является то обстоятельство, что эта идеология оказалась весьма действенной, а ненасильственные программы политических действий принесли такие плоды, которые во многом изменили культурно-историческую «карту» мира. Появившись на перекрестье культур и мировоззрений, идея ненасилия с каждым десятилетием завоевывает все больше поклонников и приверженцев в разных сферах общественной жизни и в разных регионах земного шара.

Очевидно, что самые заметные результаты идеология ненасилия дала в сфере политики – «сатьяграха» как успешная борьба индийцев за независимость и не менее успешная ненасильственная борьба чернокожих американцев за реализацию своих прав, эффективные и эффективные акции движения Гринпис это подтверждают. Опыт этих движений исследуется, обобщается и осознается политологами, политическими философами, политическими «менеджерами» разного толка. Не менее очевидно, однако, что основной целью этих политических движений в целом и отдельных их мероприятий и акций были законы – отмена старых, введение новых, пересмотр законодательства. Рассмотрим это обстоятельство подробнее, тем более, что в отечественной правоведческих исследованиях практически отсутствует сегмент работ, посвященных идее ненасилия вообще и ненасильственному движению, в частности. Теории и, в особенности, философии права ещё предстоит осмыслить этот феномен политической истории 20 века.

История борьбы индийцев за независимость богата событиями, отметим среди них несколько наиболее, на наш взгляд, показательных в правовом отношении [см. 1]. Во-первых, начало «сатьяграхи» в Южной Африке и первые акции руководимых Ганди М. К. борцов, направленные на требование отмены в Трансваале так называемого «черного закона», дискриминирующего членов индийской общины, в частности, и положение азиатов в Южной Африке, в целом. В 1907 г. в Трансваале был принят закон, по которому все проживающие в колонии индийцы должны были получить особое удостоверение, лица, не получившие такового, подлежали аресту и высылке из страны. Этот закон имел силу только для азиатов, белое и коренное на-

селение принудительной регистрации не подвергалось. Безобидный, на первый взгляд, акт регистрации вызвал волну протеста, так как на деле оказался унижительной процедурой – за въезд на территорию колонии индеец должен был заплатить огромную для него сумму денег, для регистрации требовались отпечатки пальцев всех индийцев старше 7 лет, полиция для проверки документов получала право проникать в дома индийцев без ограничений, в том числе и на женскую половину дома (для индуистов и мусульман это было невероятно!), для регистрации браков требовалась обязательная христианская процедура, в противном случае брак признавался недействительным [см. 1]. Ганди предложил принять резолюцию о неподчинении «черному закону» и следовать ей неукоснительно: «...я смело и с полной уверенностью заявляю, что если даже небольшая часть людей сохранит верность своему слову, наша борьба может завершиться только одним – победой» – говорил он [2, с. 48].

Первая волна сопротивления, начавшаяся с руководимых Ганди демонстраций, закончилась для него судом и тюрьмой, в результате долгих размышлений он пришел к выводу о необходимости компромисса – пройти регистрацию, но закон не признавать и продолжить борьбу за его отмену. В ответ на добровольную регистрацию власти такую отмену обещали. Идея компромисса пришлась не по душе значительной части азиатской колонии, но сила убеждения Махатмы была велика, большое количество колонистов регистрацию прошли, власти же, естественно, своего обещания не сдержали. Понадобилось долгих 7 лет, за которые произошло много разных событий – Ганди вступил в переписку с Толстым Л. и Шоу Б., ездил в Лондон для переговоров с правительством, почти треть колонистов вернулась на родину – но в 1914 году «черный закон» был отменен [см.1].

Во-вторых, продолжение «сатьяграхи» в Индии. Там в 1919 г. был принят «билль Роулетта», названный так по имени судьи, который руководил комиссией по наведению порядка в колониальном законодательстве послевоенной Индии. Фактически билль способствовал превращению этой страны в полицейское государство, подавляющее в зародыше любые ростки недовольства колониальным правительством. Это подтверждалось соответствующей статьей из индийского уголовного кодекса: «Всякий, кто словами, либо произнесенными, либо предназначенными для чтения, или жестами, или изображениями, или другими способами возбуждает или пытается возбудить недовольство правительством, учрежденным законно в Британской Индии, подлежит следующему наказанию: пожизненной ссылке на каторгу, или ссылке на другие сроки, или тюремному заключению на срок от трех лет со штрафом или без него» (статья 124а) [см. 1]. Естественно, что после принятия такого закона последовала кампания борьбы за его отмену, а сам билль стал поводом для пересмотра отношения Ганди к власти. Результатом стала выработка основ политики несотрудничества с властями, которое началось с «хартала» – религиозного поста, при котором воздерживаются от работы, общественной активности, деятельности вообще. Ганди призвал к единству мусульман и индусов, и в массовом невыходе на работу приняло участие огромное количество населения. Власти были поражены масштабами акции. Однако, к сожалению, Ганди потерял контроль над си-

туацией, и движение гражданского неповиновения вылилось в серьёзные массовые беспорядки и массовое нарушение закона. Их серьёзность была столь велика, что привела к значительным потерям и жертвам – власти отважились на подавление волнений, в чем проявили чрезвычайную решимость и жестокость. Ганди публично признал преждевременность своего призыва к неповиновению, раскаялся в ошибке и сделал знаменательный вывод о том, что на нарушение законов и гражданское неповиновение должен идти только тот, кто уже способен твердо и неуклонно эти законы исполнять. Мы бы сказали, что «рецепт» на гражданское неповиновение можно «выписывать» только субъектам с развитым правосознанием.

Третий из отмечаемых нами моментов движения сатьяграхи связан со знаменитым «соляным походом» 1930 года и нарушением закона о британской монополии на соль. Коллективное и символическое (почти ритуальное!) самовольное выпаривание соли у берега моря было недооценено властями. Оно вылилось в массовую акцию гражданского неповиновения, организованную и продуманную Ганди с учетом опыта прошлого. Он настойчиво предупреждал власти о готовящихся акциях, но те не смогли отнестись к его предупреждению серьёзно. На сей раз неповиновение вылилось в такую форму несотрудничества с властями как массовые добровольные увольнения с работы, сопровождаемые демонстрациями и шествиями. Столкновение с властями и войсками было неизбежно, но эта волна сатьяграхи была отмечена беспрецедентным народным единодушием, когда войска (состоящие из индусов) отказались стрелять в демонстрантов (состоящих из мусульман). Отметим в качестве показательного тот факт, что Ганди осудил данный отказ, мотивировав его тем, что способность исполнить свой долг – в данном случае, воинский – неотъемлемая черта гражданина будущей свободной Индии, её защитника! Что будет стоить независимость родины, если её некому будет защитить? Организованность и эффективность сатьяграхи 1930 года была, можно, сказать, «зрелой», ибо участниками сопротивления были люди, уже способные реально оценить соотношение цели и средств своей борьбы, люди, которые правильно и адекватно поняли призыв Ганди к соблюдению закона и к готовности ответить за его нарушение. Махатма призывал к жертвенности, к самопожертвованию, к готовности пойти в тюрьму или даже на смерть ради дела сатьяграхи. Эта акция была самой ненасильственной и самой яркой именно потому, что в ней участвовали те, кто добровольно и сознательно нарушали закон, будучи способными при этом к его неукоснительному соблюдению. Вот такая сложность. Ганди М. её выразил так: «Чтобы стать способным на практике к проведению гражданского неповиновения, человек должен прежде всего пройти школу добровольного и почтительного повиновения законам страны» [3, с. 405-406].

Гандизм стал идейным вдохновителем другого центра ненасильственной политики – движения чернокожих американцев за свои права, возглавляемого Мартином Лютером Кингом. Говоря об этом движении, мы также выделим в нем несколько важных для нас моментов [см. 5]. Во-первых, это события в Монтгомери (Алабама), где в 1955г. чернокожая Роза Паркс, активистка местного движения за гражданские права, отказалась следовать закону о сегрегации в общественном транспорте (авто-

бусе), за что была арестована и признана виновной. Ей пришлось уплатить штраф, однако, за этим последовал бойкот городского сегрегированного транспорта чернокожими жителями и выбор молодого пастора Мартина Лютера Kinga лидером движения за равноправие. Бойкот транспорта привел к значительным и ощутимым убыткам его владельцев, а Мартин Лютер King, осмыслив происходящее, выработал программу ненасильственных методов борьбы. Ненасилие в этой программе понимается как действие, исходящее как из твердого убеждения в том, что мироздание устроено справедливо, так и из готовности к самопожертвованию во имя утверждения справедливости. Ненасилие здесь осмысливается как универсальное средство достижения справедливости, воплощенное, с одной стороны, в физическом бездействии, а, с другой стороны, в духовной активности, которая может помочь прояснить смысл и назначение законов, призванных утверждать справедливость [см. 4]. В результате событий в Монтгомери наметились судебные сложности: окружной федеральный суд признал законы о сегрегации в транспорте неконституционными, прокуратура подала апелляцию в Верховный Суд, тот подтвердил решение окружного суда.

Во-вторых, это события в г. Гринсборо (Северная Каролина) и г. Олбани (Джорджия). Гринсборо стал отправной точкой массового движения за десегрегацию публичных мест – библиотек, театров, бассейнов, общепита и проч. Наряду с демонстративным, сознательным нарушением местных сегрегационных законов, то есть, фактически, следованием Конституции, практиковались сидячие демонстрации, к которым примкнуло большое количество студенческой молодежи. Вскоре сидячие демонстрации переросли в рейды по всем городам Юга с целью проверки выполнения федерального законодательства и десегрегации мест общественного пользования. Рейды переросли в массовые демонстрации, шествия, коллективные молебны, большая часть которых была признана незаконными и сопровождалась массовыми арестами. Так называемая «олбанская кампания» длилась довольно долго, и в её процессе за решеткой побывало почти 5% чернокожего населения. Таким путем реализовался гандистский призыв к готовности к жертвам и определенной «плате» за сознательное нарушение законов [см. 5]. На этот раз сопротивление властей, сохраняющих сегрегацию, было решительным, и целый ряд мест общественного пользования были закрыты, а вся кампания, в конечном счете, оказалась неудачной.

В-третьих, это события 1965 г. в г. Селма (Алабама), связанные с борьбой за равные избирательные права. Здесь протест против «избирательной сегрегации» был хорошо организован, участники старательно соблюдали дисциплину даже во время жестокой расправы с мирными и молитвенно настроенными демонстрантами. К этому времени (в августе 1963 г.) уже состоялся знаменитый «поход на Вашингтон», в котором приняли участие, в том числе, и огромное количество белого населения, разделявшего устремления чернокожих борцов за свободу и равенство. Сочувствие широкой американской общественности уже сместилось на сторону ненасильственного негритянского движения. Селмские события (массовый марш из Селмы в Монтгомери, столицу штата) были выражением требования пересмотра

списков избирателей с тем, чтобы избирательный ценз – имущественный и образовательный – был отменен. Эта кампания оказалась успешной – Конгресс США в 1965 г. принял специальный акт об избирательных правах, по которому только федеральные власти могли назначать регистраторов (тех, кто занимался составлением списка избирателей), а сама процедура регистрации значительно облегчалась [см. 5].

Ненасильственная политическая активность была продолжена и развита в 70-е годы прошлого века движением Гринпис. Главной его особенностью является выход политики ненасилия на международный уровень, вовлечение в политические акции широкой международной общественности. Судя по всему, судьба нынешнего движения Гринпис в том, чтобы стать долгосрочным проектом, ибо достижение его целей требует серьезных изменений в мировоззрении человечества, и эта серьезность – именно та, о которой говорил ещё Махатма Ганди. Другая его особенность, на наш взгляд, состоит в том, что оно защищает своеобразные интересы – их субъектом является живое, природный мир как такой «субъект», который не может сам отстаивать свои интересы и затребует для этого своих «полномочных представителей». Основные акции Гринписа осуществляются там и тогда, где и когда «интересы» живого природного мира ущемляются действующим законодательством той или иной страны, или когда природоохранное законодательство настолько несовершенно, что допускает такое «ущемление интересов». Как известно, движение Гринпис началось с протестов против американских испытаний атомной бомбы на Алеутских островах в 1969 г., в которых был учтен опыт 1958 г., когда американские квакеры пытались протестовать против испытания водородной бомбы недалеко от атолла Бикини в Тихом океане. В 1971 г. канадское судно «Филлис Кормак», переименованное в «Гринпис», вышло из Ванкувера, но последующая акция тех, кто находился на его борту, не была успешной. Однако, несмотря на неудачу, она получила огромный резонанс, а само движение в дальнейшем – серьезную поддержку [см. 6]. Итак, опыт ненасилия в политической жизни 20 века показал, выражаясь фигурально, «силу ненасилия», ненасилие «как действующую силу, способную реально менять мир, а не как устранение силы, или её нейтрализацию, или воздержание от её использования...» [7, с. 346]. Как понять опыт ненасильственных акций? Каким может быть теоретическое освоение его результатов? В каком философско-правовом контексте этот опыт получает наиболее адекватное осмысление?

Индийская сатьяграха адекватно осмысливается в коммунитаристском контексте. Нормы жизни национальной, этнической, традиционной общности противопоставлены здесь навязываемым нормам жизни общества совершенно другого типа, это противопоставление рельефно очерчивает разницу между «нашими» (=справедливыми) законами и «не нашими» (=не справедливыми) законами. Движение чернокожих американцев хорошо понятно сквозь призму идеи либерального общества, в котором наличие любого рода правовой стратификации (как «горизонтальной», так и «вертикальной»), а также отсутствие самого широкого равноправия немислимы. Международное экологическое движение, на наш взгляд, выводит идею ненасилия в новый мировоззренческий контекст. Можно сказать, что оно в

значительной мере отвечает условиям деидеологизированного общества постмодерна. Отметим, что в первом и втором случаях основной задачей лидеров движений было избежать того, что сопровождало борьбу с несправедливостью на протяжении всей истории человечества – революционного насилия, сопровождающего всякий бунт и гражданскую войну. Именно поэтому и Ганди, и Лютер не только призывали своих соратников быть готовыми ответить по существующим законам за свои действия, но и сами добровольно принимали участь узника тюрьмы. Вместе с тем уроки результаты ненасильственного движения высвечивают важные философско-правовые проблемы. Прежде всего, это проблема справедливости сквозь призму вопроса о соотношении права и закона и реального существования несправедливого, «неправового» законодательства. Естественным образом эта проблема выводит нас к проблеме легитимации власти и её законов, что, в свою очередь, ставит «пограничные» для теоретического правоведения вопросы о связи права с моралью, права с политикой и, наконец, вопрос о цели права вообще. Здесь мы коснемся только последнего вопроса как наименее охваченного корпусом современных философско-правовых исследований.

Категории «цель» и «средство» можно считать наиболее размытыми в правовой науке. Со времен работ основоположников современной философии права (Йеринга Р. ф., Радбруха Г., Еллинека Г., Кистьяковского Б. и др.) вопрос о цели права не потерял своей теоретической актуальности. Телеологическая проблема философского правоведения подразумевает поиск ответа на такие вопросы как: в чем состоит цель права? должна ли она быть найдена в самом праве или вне его? чем оправдывается правовое принуждение? какие средства адекватны достижению цели права? Проблематика цели и средств в правоведении, на наш взгляд, гораздо более фундаментальна, чем может показаться. Её можно считать, так сказать, маргинальной, то есть пограничной, в том смысле, что она выводит теоретическое правоведение к области рефлексии собственного предмета. Ответ на вопрос «что есть право» проясняется, если его переформулировать в вопрос о цели права: зачем нужно право, в чем его смысл? При этом разные идейные философско-правовые контексты дают разные ответы на этот вопрос, обнажая дихотомию коммунитаризма и либерализма. Коммунитаристская идея общего блага обречена на вечные вопросы о том, чем определяется общность, кто в неё входит, и какой ценой допустимо достижение её блага. Право при этом понимается по Аристотелю, как средство достижения определенной меры нравственности совместной жизни людей. Либеральная идея самоценности свободы обречена на вечные вопросы о последствиях («цене») свободы, о том, кто и как ею может распорядиться. Право при этом понимается как средство защиты свободы. Каковы будут последствия для данной дихотомии в контексте, созданным идеей ненасилия?

Обратимся к рассуждениям о природе права Гоббса Т., классика правового позитивизма, в которых он формулирует универсальную причину как необходимости гражданского состояния, так и необходимости его теоретического обоснования. Такой причиной, по мысли Гоббса, является война как «корень всякого несчастья и всех зол», особенно война гражданская, в которую, как он считает, людей вовлека-

ет, прежде всего, незнание её причин [см. 8, с.78]. Затем обратимся к рассуждениям Канта И. о смысле и цели политической истории в целом, в которых он формулирует идею «вечного мира» как «морального мира», состояния человечества без войны [см. 9]. И завзятый эратист Гоббс Т., и последовательный либерал Кант И. сходятся в одном – войны не должно быть никакой и никогда, её отсутствие и должно быть целью права. Может ли насилие быть средством достижения этой цели? Очевидно, что нет. При этом сама идея ненасилия может объединить в себе и понятие цели, и понятие о средствах, став тем самым *аутотелосом*. Такой аутотелос снимет проблему цели и средств, избавив от её пресловутой «диалектики», на которую так удобно ссылаться при отсутствии положительного решения теоретического или философского вопроса. Идеал всеобщего вечного мира как неизбежная утопия права помогает, во-первых, оценить степень адекватности применяемых политических средств поставленным политическим движением целям, а, во-вторых, выработать трезвое и критическое отношение к тезису о самоценности и самоцели права. Ещё Торо Г.-Д. в 19 веке писал о том, что именно из-за всеобщего заблуждения по поводу чрезмерного почитания закона образуются стройные колонны солдат, рядовых и полковников, капитанов, капралов и всех прочих, марширующих на войну как против своей воли, так и против здравого смысла и совести. Такой марш кажется невероятным и вызывает сердечную боль, ибо, судя по всему, каждый из них не сомневается, что дело, которым их принуждают заниматься, противно человеческой природе, а миролюбие является естественным свойством человека [см. 10]. И, как справедливо отмечает Гусейнов А. А., «ненасилие нельзя считать открытием выдающихся людей, оно заложено в самом фундаменте человеческого бытия» [см. 11].

Таким образом, в феномене ненасильственного политического движения 20 века можно обнаружить заметную правовую компоненту. Борьба за пересмотр законодательства вообще (гандизм), борьба с действующими запрещающими законами (движение чернокожих американцев), борьба за введение запрещающих законов (движение Гринпис), ведущаяся ненасильственными методами и достигающая успеха, выводит философско-правовую мысль на необходимость критической рефлексии феномена правовой системы в целом, а также постановки и решения вопроса об идейных основах правовой телеологии. Таким решением может быть принятие идеи ненасилия и придание ей функций и цели, и средства в праве.

Список литературы

1. Девяткин С. В. Искусство сатьяграхи / С. В. Девяткин // Опыт ненасилия в XX столетии. Социально-этические очерки / [под ред. Р. Г. Апресяна] – М. : Мысль, 1996. – 445 с.
2. Горев А. Махатма Ганди / А. Горев. – М. : Международные отношения, 1989. – 365 с.
3. Ганди М. К. Моя жизнь / М. К. Ганди. – М. : Наука, 1969. – 568 с.
4. Кинг М. Л. Шаг к свободе // М. Л. Кинг. Есть у меня мечта... – М. : Наука, 1970. – 485 с.
5. Киселев В. Ненасильственный опыт движения за гражданские права в США (50-е – 60-е годы) / В. Киселев // Опыт ненасилия в XX столетии. Социально-этические очерки / [под ред. Р. Г. Апресяна]. – М. : Мысль, 1996. – 445 с.
6. Сериков А. Е. Ненасильственные методы в экологическом движении (на примере деятельности Гринпис) / А. Е. Сериков // Опыт ненасилия в XX столетии. Социально-этические очерки / [под ред. Р. Г. Апресяна] – М. : Мысль, 1996. – 445 с.
7. Капустин Б. Г. Моральный выбор в политике / Б. Г. Капустин. – М. : КДУ; Изд-во МГУ, 2004. – 455 с.
8. Гоббс Т. Основы философии: часть первая. О теле. Основы философии; часть вторая. О человеке. Основы философии: часть третья. О гражданине // Т. Гоббс. Сочинения в двух томах. – М.: Мысль, 1989.
– Т. 1. – 622 с.
9. Кант И. К вечному миру. // И. Кант. Сочинения в шести томах. – М. : Мысль, 1966. – Т. 6. – 743 с.
10. Торо Г. Д. О гражданском неповиновении / Г. Д. Торо // Новые пророки. Торо. Толстой. Ганди. Эмерсон. / [пер: с английского О. В. Альбедилля]. – СПб. : Алетейя, 1996. – 496 с.
11. Гусейнов А. А. Этика ненасилия – веление времени / А. А. Гусейнов // II Российская научно-практическая конференция. Пермь, 11–12 мая 2004. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://guseinov.ru/conf/nenas.html>

Таран П. Є. Політика ненасильства в контексті філософії права / П. Є. Таран // Вчені записки Таврійського національного університету ім. В. І. Вернадського. – Серія: Юридичні науки. – 2009. – Т. 22 (61), № 2. – С. 89-96.

В статье рассматривается политический опыт движения ненасилия в 20 веке как материал для философского осмысления правоведом. Делается вывод о плодотворности идеи ненасилия в области правовой телеологии, о том, что эта идея может объединить в себе понятия цели и средства в праве.

Ключові слова: ідея ненасильства; правова телеологія; мета і засіб у праві.

Taran P. The non-violence policy in the context of legal philosophy / P. Taran // Scientific Notes of Tavrida National V. I. Vernadsky University. – Series : Juridical sciences. – 2009. – Vol. 22 (61), № 2. – P. 89-96.

This article concerns the 20-th century' experience of non-violence policy regarded as the material for the legal philosopher. It concludes that the idea of non-violence is very fruitful for the teleological aspect of legal philosophy, this idea can incorporate two concepts – the concept of aim and the concept of mean.

Keywords: Idea of a nonviolence; legal teleology; the purpose and means in the right.

Поступила в редакцию 09.11.2009 р.